Острова восходящего пива

Юрий Якимайнен

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впечатления о Японии. Одни из первых неформальные впечатления о Японии, напечатанные в СССР. Журнал "Юность", 1990 год

- (Джонни)
- (Чудеса)
- (Наш дом)
- (Квинтурия)
- (Мой фильм)
- (Лекция)
- (Знакомство)
- (Акция «Серп и молот»)

(Джонни)

Он аристократ. Его родословная уходит в глубину веков. Его предки участвовали в крестовых походах, служили у короля Артура, служили Прекрасным Дамам, искали Священный Грааль.

Он встречался с Джорджем Бушем пять раз, еще до того, как тот стал президентом, с Рональдом Рейганом один, когда тот уже был президентом. Было время, когда с Улафом Пальме они были влюблены в одну женщину. Пабло Пикассо в 1952 году написал его портрет. Он лично знает секретарей ООН, министров многих стран мира – тех, что работают, и тех, кто уже в отставке; писателей и кинорежиссеров. Он снимался в кино. Марсель Марсо – его друг.

Джонни Квинтус, когда ему было восемнадцать, танцевал в балете, а в девятнадцать работал в цирке в Буэнос-Айресе манежным клоуном.

Если Джонни смеется, то во весь рот; если говорит, то обязательно громко.

Он отбил женщину (немку), которая стала его женой, у барона Мюнхгаузена. Не у самого, конечно (известного фантазера, который жил двести лет назад и был описан Рудольфом Распе), а у родственника барона, прямого наследника рода.

Я познакомился с ним в Москве, в аэропорту Шереметьево, между контролем и регистрацией. В распахнутом плаще, лысоватый, толстоносый, он расхаживал свободно, он смотрел вольно, он курил и сбрасывал пепел на пол. Он, кажется, тоже был рад, что улетает. У него, как у меня, был билет на другое число, позднее; мы, как там выражались, «шли на досадку».

- Ну, - спросил он меня, - как ты себя чувствуешь, молодой человек?

- Неважно я себя чувствую, - ответил ему, - боюсь, не знаю почему, что меня завернут. Возможно, комплекс границы, железный занавес влияет? Я с семи лет мечтал о дальних странах. Сейчас мне тридцать пять. Можете себе представить, как я устал. Это моя первая поездка за границу вообще.

- А к кому?

- К жене.

- Она японка?

- Японка.

- Где научился по-английски?

- Мы с женой говорим по-английски. Это наш язык межнационального общения.

- Меня зовут Джонни, - сказал он. – Чем занимаешься?

- Пишу рассказы.

- Я тоже, - сказал он...

Мы подошли к двум бдительным пограничникам, что сидели в будке, как два зеленых попугая. Спросили, куда я лечу и зачем, заученными словами.

- В командировку летите?

- В командировку.

- Но здесь написано, что к жене.

- Значит, к жене...

Они отодвинули засов, мы прошли за калитку и оказались как бы на свободной территории – впечатление создавалось из-за близости дьюти-фри-шопа, магазина, напичканного всевозможными товарами. А если много товаров, помнится, подумалось мне, если изобилие, то это, значит, уже не Советский Союз, не развитой социализм.

Мы пропивали с Джонни последние рубли в баре.

- Твое здоровье, янг мен! Скоро ты увидишь другой мир, другую планету. Восемь часов полета – и ты в тридевятом царстве. Япония – фантастическая страна. Тебе повезло, молодой человек! Я уверен, что ты растеряешься, когда увидишь все своими глазами...

Он рассказал, что встречался с какими-то русскими на предмет совместного предприятия, а они, хоть и были заинтересованы в нем, не позаботились ни о гостинице, ни о билете. «Русский стиль, русский бизнес», - констатировал Джонни. Я заметил, что он не с теми связался. И оказалось, что это действительно были чиновники из госаппарата, у которых, известное дело, все через пень колоду, по большому счету им все до лампочки, «потому что, - добавил я, - они жили, живут и думают, что всегда будут жить исключительно на халяву»...

Но в то же время, выражаясь столь смело, хоть и сидел у стойки нарочито свободно, что твой иностранец, продолжал озираться, думая, что меня найдут (может быть, уже ищут), скрутят и вернут в последний момент. Да и в самолете, когда он стартовал и уже летел – не верилось, что летим ТУДА, что это реальность, не сон, не мечта...

- Донт ворри, би хяппи! – проорал Джонни на весь салон. – Гуд бай, Рашшиа! Прощай Россия! Я не лучшего о тебе мнения. Прощай, и ты, Горбачев!

- Какой солидный дядечка, ваш друг, - сказала мне стюардесса. – Похож на артиста... А вы в гости летите?.. К жене? Ой, как интересно! А где вы познакомились?.. Знаете, что я вам скажу, - и почему-то перешла на шепот, - ох и красиво они там

живут. – Сказка...

(Чудеса)

Здесь девушки в мини-юбках дарят вам пиво – попробуйте! Новый сорт!

Здесь девушки в мини-юбках предлагают вам сигарету бесплатно – закурите! Новый сорт! И поднесут огонек.

Здесь, если ведешь ладонью по небритой щеке, то это звук «джори-джори», а если мочалкой по спине, то «гоши-гоши».

Воробьи здесь кричат «чун-чун». Кошки мяукают «няу-няу». Собаки лают «уан-уан», а маленькая собачка, укушенная большой, кричит «кян-кян-кян»...

Вороны кричат здесь «ка-а! ка-а!».

Здесь младенца зовут «акатян», «ака» - красный, а «тян» - уменьшительно-ласкательный суффикс. И если в России, скажем, детей находят в капусте, то акатянов, как правило, под мостом.

Здесь на улицах прохожим дарят косметику: кремы, лосьоны. Новый вид!

Здесь без конца и налево-направо раздают мягкие салфетки. На упаковке реклама.

Когда здесь выходишь из дома, тебе нежно поют: «Иттераша-а-а-ай». И ты в такт подпеваешь: «Иттекима-а-ас». «Тадаима» - здравствуйте, вот и я. «Окаеринасай» - добро пожаловать, что вернулся (так переводится). «Оясуминаса-а-ай», - прощаются перед сном. Школьницы в метро щебечут-щебечут и вдруг доехали и нужно расставаться – «Бай-ба-ай», - поют друг дружке, и это уже по-английски, но уже и как бы японское слово.

Здесь люди взяли все лучшее и все, что показалось нужным, из Америки и Европы, и сохранили свое.

Здесь женщины женственны и даже у пожилых стройные молодые фигурки.

Здесь мужчины корректны, вежливы и скромны.

Здесь чисто до невозможности: заборы, крыши, дома, тротуары, дороги – все несет на себе отпечаток участия и заботы.

Здесь даже птица в клетке, какая-то помесь скворца и вороны, свернув голову набок и раскрыв желтый клюв, говорит по-японски: «Охайе годзаимас!» - «Доброе утро».

Здесь малые дети разбираются в иероглифах: девочка лет восьми, от горшка два вершка, в соломенной форменной шляпке, ранец за спиной, но в одной руке план метро, а другой водит пальчиком по линиям, буквам – соображает, куда ехать, где пересесть...

А сиденья в метро бархатные. Бордового цвета – для всех, а серебристо-серые – для «серебристого возраста».

Здесь глубокой ночью можно спокойно, невооруженным, выйти из дома, не опасаясь хулиганов. Можно зайти в круглосуточный «Севен-Элевен». В таком магазине можно проявить фотопленку, заплатить за газ, купить билеты в кино, попросить разогреть любое блюдо, можно почитать журнал или комикс.

Здесь популярно легкое чтиво в картинках.

Здесь комикс на любой вкус: от сусальных мечтаний и романтических представлений до тяжелого порно...

Когда вы входите в кафе, в магазин, вы слышите здесь: «Ирашшай масэ» А выходя: «Домо аригато», «Аригато годзаимашита!»

Автоматы продают пепси, кока-колу, фанту, разные соки, кофе и чай (холодный или горячий, с сахаром или без, со сливками или нет, смотря на какую кнопку нажмешь). Самые разные автоматы, ряды автоматов – непременная часть повседневного быта, городского пейзажа.

Здесь автоматы продают пиво...

Я лично предпочитал японские сорта: «Асахи» (восходящее солнце), «Асахи драй», «Асахи йист» (дрожжевое), «Саппоро драй», «Саппоро кулер», «Саппоро блак», «Лагер», «Кирин кулер», «Мольтс»...

«Саппоро кул драй» - последний крик, причем со стихами Вильяма Шекспира на

обороте. Я выпил ящик и мне даже подарили три металлических ведра с рекламой этого пива, но, тем не менее, могу сказать, что оно так себе. Другое дело все-таки «Асахи" – нежное, приятное... Почти всегда в автоматах имеются и голландское «Хайнекен» и американское

«Бадвайзер», но, повторяю, рука постоянно тянулась к японскому. Может быть, из-за его свежести, тонкости, деликатности, неуловимого вкусового оттенка. «Асахи драй», «Асахи йист», «Саппоро драй» - это, как песня! – Бросил деньги в автомат, получил банку, выпил и сразу иное настроение, взгляд, вера в свою звезду...

Я подхожу к автомату, вынимаю две монеты по сто иен и одну достоинством в десять. Я смотрю на выстроившиеся за стеклом серебристые и желтые «Асахи», с синими буквами «Саппоро», зеленые с драконами «Кирин кулер», бело-зеленые «Хайнекен», эмалево-красно-белые «Бадвайзер». Что выбрать? – Вечная здесь проблема... Начинаешь соображать: погода, время, кондиция организма – все за то, чтобы взять что-нибудь легкое, но я не прочь приложиться и к «Саппоро блак» - темное с хлебным привкусом. Однако, по опыту знаю, что от него быстро хмелеют –

его лучше пить вечером, чтобы забыть усталость, набрать калории, потерянные во время трудового дня или, если речь обо мне, то в результате лентяйских прогулок по Токио, развлечений плейбоя...

На табло горят цифры 210. Автомат ждет. Он, кстати, может и подождать. Решаю добавить еще шестьдесят и купить себе большую банку «Асахи». Не найдя мелкой монеты, бросаю сто иен. Загорается 310. Нажимаю на кнопку. Скатывается по желобу (где-то внутри) и падает с глухим звоном банка. Отжав крышку, нашариваю ее, родную... Вот она, слегка запотевшая от холода... На табло 40 – сдача... О`кей... сейчас откроем и раздастся шипение, выстрелит пена... Я не спешу, добыча в руках, можно оттянуть удовольствие, полюбоваться окрест: на высокое небо, ватные облака, на проносящиеся авто... Вот резко притормозил у светофора и вновь сорвался мотоцикл «Ямаха», обгоняя всех, лавируя слева и справа, исчез. Я успел заметить под шлемом волосы хвостиком и слишком тонкую талию – лихая девчонка... Строящийся неподалеку дом этажей в шесть. Из-за того, что он узкий (в одну квартиру?) кажется небоскребом...

Первые глотки глубокие, сильные, продолжительные, по-японски «гокун-гокун-гокун», чтобы испытать полное и долгое наслаждение, чтобы ощутить сполна и закрепить ощущение, чтобы потом уже делать глотки поменьше: «гоку-гоку-гоку-гоку»... А пока продолжается большой глоток, глаза закрыты, никаких мыслей, почти нирвана, «гокун-гокун-гокун-гокун»...

Но подозрительный гуд, вибрации каких-то винтов, доносится свист, слышно струятся воздушные массы. Это «что-то», эти странные звуки выводят меня из моей медитации... Я с удивлением вижу картину: на меня, на квартал, закрывая кучевое облако и отблескивая на солнце, наплывает крупное странное тело, округлое, серебристое, вроде того предмета, что я держу в руке: летит банка-гигант, и для пущей важности надпись на ней «Асахи. Пиво»...

Я стою, как вкопанный, задрав голову кверху. Как только не подавился?

Я, конечно, не такой уж дурак и тут же соображаю, что это дирижабль... Я пью от волнения короткими глотками «гоку-гоку-гоку-гоку», не упуская его из поля зрения. Это же действительно дирижабль, настоящий дирижабль! Обалдеть можно! Ведь раньше я видел его только на картинках, в кино про генерала Нобиле (как в двадцатые годы летали на Северный полюс), да еще помню такие елочные украшения из папье-маше.

Мне хотелось бежать за ним, показывать пальцем, подпрыгивать и орать во всю луженую глотку: дирижабль!

дирижабль!.. Оглядываюсь: мимо проходят по своим делам люди, проезжают велосипедисты и велосипедистки, идут в одинаковых матросках школьницы...

Я заметил, что допил свое пиво. Не долго думая, взял еще одну. На этот раз банку, наверное, с литр.

Пиво прохладное, мягкое, приятно щекотало горло, ласкало пищевод и мой булькающий от блаженства и удовольствия желудок, растягивая живот до состояния тяжелого колыхания, по-японски «габо-габо»... Мне хотелось еще и еще, и я не отказывал себе – пил и пил, каждый раз чувствуя фибрами, гофрами, жабрами, нервами щекотный холодок, нежные градусы, легкий хмель.

ПЕЙТЕ ПИВО «АСАХИ», ГОСПОДА!

ПЕЙТЕ «ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ»!

Вернулся домой покачиваясь.

В общем, в Японии каждый день со мной случались какие-нибудь чудеса.

(Наш дом)

На улицах, очень редко, мне попадались люди в кимоно. Преимущественно пожилые и во время праздников, например, Золотой Недели, которая приходится на конец апреля – начало мая: 5 мая День Детей, 3 мая День Конституции, 29 апреля День рождения императора Хирохито (после его смерти парламент решил не трогать традицию отмечать этот день. 64 года правления – ни один император за всю историю Японии не находился у власти так долго)... Сам я тоже рядился не раз – во время свадебной церемонии, или дома, распаренный, после принятия ванны (и, разумеется, неизменное пиво) расхаживал в этой удобной и свободной одежде, или во время путешествия в типичной гостинице, рекане, где раздвижные стены, скрипящие половицы, низкая мебель, где тебя всегда ждет чистое проглаженное свежее кимоно... Хотя все таки следует уточнить, что и домашний и гостиничный варианты – это так называемая «юката», легкий хлопчатобумажный халат, лишь основными ходами раскроя напоминающий истинное кимоно.

Я не видел гейш, сада камней, я не присутствовал на чайной церемонии. Я думаю, что для жителей современной Японии, последняя все равно, что для русских катание на «птицах-тройках». То есть, скорее всего, это теперь для туристов, или для каких-нибудь уж очень богатых, или отвязанных и утонченных натур. Икебаной, то есть искусством составления букетов, тоже никто при мне не занимался. Есть, наверное, какие-то кружки. В больших универмагах, учреждениях, отелях можно увидеть дизайн, исполненный лучшими дизайнерами мира, и там, конечно, икебана, или какие-то элементы икебаны присутствуют.

Мне повезло. Наш дом традиционный, типичный. «Ты счастливый – заметил мне один мой молодой новый родственник, учитель английского, - твой дом почти в центре, в десяти минутах езды на метро от Синджюку»...

Дом небольшой, деревянный. Стены, а также окна и ставни в нем раздвижные. Есть и татами – плотные толстые циновки, что лежат под ковровым покрытием, как на первом, так и на втором этаже. Предохраняют, в частности, от излишней влажности, потому что влажность в период дождей (середина июня – середина июля) может достигать и девяноста процентов.

На первом этаже у нас холл, кухня и ванная комната с глубокой квадратной ванной, в которую (предварительно помывшись) погружаются по шею и сидят до обалдения в горячей воде. На втором этаже еще две комнаты и довольно большой

балкон. При желании тот же холл можно разделить на две комнатки или увеличить за счет коридора, раздвинув стены.

Кроме того, наш уютный японский дом начинен всяческими приборами, которые, как я понимаю, облегчают жизнь человеку. Например, всегда на столе стоит бойлер для кипятка. Он мне напоминает солидного независимого дядю, прекрасно одетого – отблескивает пластиковый костюм – предупредительного, готового к услугам в любое время. Достаточно нажать ему ладонью на темя, и он выдаст из горбатого носа порцию кипятка. И тут же начинает посапывать, соображает внутри себя – то ли ему подогреть еще, то ли достаточно. Подрагивает зеленой лампочкой и успокаивается... Между прочим, этот прибор производит впечатление не только на меня одного, ибо мои домашние тоже, видимо, одушевляя, называют его не иначе, как Потто-сан, что можно перевести, как «господин Горшок».

Рис готовят в электрической рисоварке. Она похожа на кастрюлю. В магазинах я видел десятки видов: побольше, поменьше, попроще, посложнее. Наша с таймером. Засыпают в нее рис, наливают до отметки воду и уходят на работу. Собственно, через полчаса рис уже готов и так в горячем состоянии может пребывать весь день. Если же использовать таймер, то она включится в нужное время, скажем, за сколько-нибудь минут до прихода хозяйки.

Моя жена возвращается с работы, она работает в частной художественной галерее, и минут за двадцать накрывает стол для всей семьи.

Современная японская кухня очень разнообразна. Перечислю лишь кое-что. Но для начала еще скажу, что первые, вторые блюда, салаты едят почти всегда одновременно, набирая в свою тарелку из общих. Индивидуально у каждого пиала с рисом, а также пиала с супом, откуда периодически прихлебывают, и это нередко суп из ракушек. Их много видов, и продаются они свежими. В магазинах лежат в воде, в специальных ванночках, выставив наружу сифоны... Или суп из рыбного бульона (из сушеного тунца), бульон из морской капусты (тоже продается в сухом виде), или суп-потаж из кукурузы. Отдельно каждому могут подать большую креветку или рыбу жареную, гриль-рыбу с соевым соусом и джинджей (имбирем), вареную рыбу с соевым соусом и сахаром. Популярны морской карась, голубой тунец, ставрида, морской угорь (паровой с соевым соусом и сахаром). Икра красная. Осьминоги и кальмары, по-разному приготовленные – или с небольшим добавлением уксуса, или совсем свежие, или в составе различных блюд. Сырая рыба – ее едят с соевым соусом или хреном.

Белый рис, иногда он с грибами, с луком, с соевым соусом, иногда в него разбивают сырое яйцо, но чаще в чистом виде. Белый рис заменяет хлеб. Красный рис клейкой консистенции, и он обычно для праздников, а если точнее, то это вареный рис с красной фасолью.

Суси – кушанье из вареного, приправленного уксусом риса. Ему придают форму лепешечки и сверху кладут кусок рыбы, или мясо ракушек, или креветки, или кальмара, или осьминога и т.д.

Норимаки – от названия сушеной морской водоросли нори (порфира), в которую завернут рис и в центре его омлет, шпинат, иногда в рис добавлен рыбный порошок с сахаром. Или это рулет из риса со стружкой сушеной тыквы (кампио), отваренной в соевом соусе. Норимаки обычно цилиндрической формы. Своей структурой водоросль напоминает зеленую промокашку и запах у нее гнилостный, но это то, что гниет у моря, и поэтому, когда я ел, мне не только мерещились груды гниющих водорослей, но и морской ветер, и стихия до горизонта, суровые волны. Это, по-моему, один из немногих продуктов, к которым все-таки нужна привычка.

Инари-суси – это суси, но завернутое в блиновидный жареный соевый мягкий творог. Он получается из отваренной в соляном растворе сои и в состоянии, напоминающем мусс, носит название «тофу». И его часто едят отдельно, как самостоятельное блюдо.

Чираси-суси – первая часть буквально означает «разбросанный», и это бесформенное суси и все блюдо похоже на салат. Короче, если вы, в кои то веки, собрались, закупили ингридиенты, и решили самолично слепить эти самые суси ("подумаешь, какие-то там японские мастера - мы и сами с усами"), но у вас, конечно же, не получилось, то вот вам совет: все это,во-первых, нервно перемешайте, и, во-вторых, подавая блюдо к столу, заявите, что это "чираси-суси"...

Рисовые колобки готовятся без уксуса, только с солью; и в центре шарика помещается печеный лосось, или маринованные умэ (род сливы), или клешня краба, а шарики сами обжарены, или сладкая кукуруза с соевым соусом, или тресковая икра, или говядина с сакэ и соевым соусом, или лук с сыром и жареной креветкой, говядина с карри-пудрой и кетчупом, водоросль и т.д.

В японской кухне много вареных овощей: тыква, картофель (в том числе картофель сладкий), маринованная репа с добавлением сахара, соли (ее хорошо есть с пивом), морковь редька. А также: гобо - лопушник большой, капуста китайская хакусай, вареные побеги бамбука – они немного горьковатого вкуса, стручки бобов, фасоль, грибы – их японцы любят особенно. Экзотическое блюдо: грибы с хризантемами.

Мясные блюда в основном заимствованы из Китая. Еще лет сто назад в Японии не ели мяса, в особенности говядину (из-за строгих религиозных запретов), но сейчас мясо любят, пожалуй, даже больше, чем рыбу и овощи. Например, курица, обжаренная в муке с соевым соусом, с добавлением яйца. «Вантан» - пельмени, но тесто тонкое, тает на языке. «Геза» -жареные пельмени с луком-пореем и капустой, с соевым острым соусом, маслом и уксусом. «Харумаки» - китайские блины, внутри которых жареное мясо с капустой и луком (жаренное в большом количестве масла). «Харумаки» - в переводе означает «весенний рулет». Плов китайский: рис, свинина, омлет – все перемешано.

Множество видов лапши китайской. Она бывает с супом, без супа, жареной, вареной, с добавлением креветок, грибов, капусты китайской и мяса... Для супа предусмотрена короткая фарфоровая ложечка, но обычно используют только палочки – «хаши», а суп пьют через край. Нередко лапшу едят еще со втягивающим звуком («дзуру-дзуру» или «дзу-дзу», - по-японски), что демонстрирует хороший аппетит, что блюдо очень вкусное, и означает своеобразную похвалу хозяйке. Кстати, этот звук намного приятнее чавканья и, если угодно, вполне аристократичен. Есть палочками, по-моему, значительно вкуснее и приятнее, чем металлическими приборами: вилкой, ложкой, ножом.

Из японских мясных блюд можно отметить «камамеси» - слово состоит из двух частей: «меси» - рис и «кама» - котелок. Рис, курица, креветки, соевые бобы парятся, и туда же яйцо, имбирь, соевый соус, немного сахара... Другое блюдо – «скияки» - готовится в жаровне, без масла, в небольшом количестве рыбного бульона и соевого соуса (немного водки - сакэ), говядина с овощами. Жаровня стоит прямо на столе, она постоянно должна быть горячей. Каждый берет себе сколько надо при помощи «хаши». Едят, смешивая с сырым яйцом. «Ски» - любимый, «яки» - жареный, а все вместе означает «любимое жареное блюдо».

Очень популярна итальянская кухня и особенно спагетти. Палочками подобную пищу подхватывать неудобно, и японцы ничуть не чинятся - наворачивают спагетти обычной вилкой. Рис с белым соусом тоже заимствован из Италии.

Индийское карри похоже по виду на рагу, очень острое. В ресторанах его едят с индийским хлебом-лепешкой («нан»), а дома и в небольших барах с рисом. Но в Японии это блюдо, скорее всего английского стиля, потому что готовится при помощи коровьего масла, а в Индии из буйволиного. К тому же добавляется в масло мука, чего индусы не делают.

«Адзуки» - вид фасоли. Ее варят много времени, смешивают с

таким же количеством сахара – это основание почти для всех традиционных сластей. Затем этой массой покрывают пареный клейкий рис. Или без риса, используя агар-агар, продукт морских водорослей и растительный желатин, из которых делается желе... Вкусовая палитра небогатая, но зато внешний вид очень разнообразен. Внешний вид может соответствовать и сезону: фигурки вишни, хурмы. Осенью сласть, или сладость («окаси»), может быть желтой и красной, напоминать собою листок, а зимой снег. Иногда это рыбка или цветок. Иногда, чтобы вызвать чувство холодного, сладость делается прозрачной.

Едим мы за обычным круглым столом и сидим на обычных стульях. Только один раз, когда приходили родственники поздравить нас со свадьбой, мы сидели за низким традиционным столом, для чего пришлось достать его из кладовки. Мы ели традиционные суси, которые заказали по телефону в ближайшем кафе, и незадолго до прихода гостей мальчик их нам принес. Мама-тян и бабушка пили традиционный зеленый чай, остальные – пиво.

Я видел традиционные деревца, корни которых в молодом возрасте специально расшатывают и держат их на голодном пайке, чтобы они не вырастали и при этом были бы, как взрослые, - искусство бонсай. Около нашего дома есть такой дворик. В другом дворике в бассейне с проточной водой плавают карпы, тоже традиционные рыбы. Карп – это сила, энергия, целеустремленность, красота. Он способен плыть и против течения.

Честно говоря, до того, как все увидеть своими глазами, я думал, что Токио чистый и красивый только в центре, а чуть в сторонку и... вот они, грязные кварталы, бедная жизнь, опасные люди. Не знаю, почему у меня было такое представление. Может быть, под влиянием каких-то старых кинофильмов? И я был удивлен, конечно, тому обстоятельству, что куда не поедешь – везде почти центр, то есть высотные здания, потоки суперавтомашин, мосты-развязки, мосты переходные, огромные универмаги и километровые торговые улицы... А чуть в сторону от магистрали – и тихие кварталы лепящихся друг к другу домов и дворов. И все аккуратно, чисто, добротно, из современных материалов, везде гладкий асфальт. Улочки со своими продуктовыми магазинами, овощными лавками, автоматами.

Я заметил, что дорожные работы на оживленных улицах японцы стараются выполнять во время праздников или ночью. Ну а в тихих жилых кварталах, естественно, работают днем, когда большая часть людей на службе.

Около нашего дома однажды затеяли большие работы. Что-то

случилось с газопроводом. Начинали часов в девять утра, причем специальные люди от службы дорожного движения или из числа рабочих заботились о прохожих: показывали им, где нужно обходить. Когда они копали канаву, то разбрызгивали воду, чтобы не пылило. А к вечеру, к пяти часам, они быстренько свою канаву закапывали и снова асфальтировали дорогу. Все свои действия фотографировали. Напоследок асфальт поливался водой – думаю, чтобы он быстрее остыл…

Я сидел дома, писал статью, когда услышал, как на улице что-то грохнуло… Мало ли что там у рабочих упало, надо сказать, пошумели они в тот день предостаточно. Я выглядывать не стал. Но потом услышал прямо под нашими окнами осторожное шебуршание и все-таки выглянул. Смотрю сверху со второго этажа: «Ай-я-яй»… Рабочий разбил цветочный горшок Минако, младшей сестры моей жены, в котором рос ее любимый цветок. И вот этот молодой парень уже где-то раздобыл новый горшок, точно такой же, и любовно закапывает цветок. Я увидел последние, так сказать, штрихи его быстрых движений. А затем я вышел со стаканом воды, чтобы полить бедное растение, но рабочий, оказалось, уже успел сделать и это – посадил по всем правилам. Я ничего не сказал Мина-тян. Зачем волновать девушку зря…

Утром по нашей узенькой улице медленно едет низкий грузовичок. Во время движения голосом сквозь мегафон шофер объявляет, что за сданную макулатуру можно получить деньги или отличную туалетную бумагу. Такое происходит не менее одного раза в неделю. Есть день, когда забирают битое стекло. Есть день, когда забирают крупные вещи.

Откровенно признаюсь, я не раз любовался всем тем, что японцы выбрасывают.

Конечно, я имею в виду не какие-нибудь там неприятные пищевые отходы. Я говорю, например, о самых разнообразных журналах – про рок-музыку, комиксы, эротика, по архитектуре, культуре, для женщин и для детей, и для подростков без царя в голове. И все это в достатке, и выбор изумительный. Хочешь – забирай, хочешь – мимо проходи. Выбрасывают хорошие зонтики, циновки, шкатулки. Я видел скрипку, гитару, неплохие картины, музыкальные центры. Наконец, я увидел видео… И не выдержал… Взял и понес, делая вид, что коробочка не такая уж и тяжелая, стараясь держаться прямо и не слишком часто менять руки. Может быть, я коллекционер и меня интересуют вот такие слегка устаревшие образцы. Несколько раз мне все же хотелось от него избавиться, но было поздно – взыграл спортивный азарт. Принес домой. Включил… Как я и думал – работает!..

(Квинтурия)

Во время третьей нашей встречи, в приятной обстановке за пивом, Джонни Квинтус, что называется, открыл мне душу, поведал о своих планах.

В ближайшее время он покупает один из необитаемых островов в архипелаге Тонга (там множество атоллов с пальмами и лагунами) и провозглашает новое государство Квинтурию. Предварительная договоренность с королем Тонга, кажется, есть. Тот, который Джонни присмотрел, особенно живописный, стоит всего полмиллиона долларов, однако со всеми издержками понадобится, видимо, миллион.

Квинтурия – это государство, в основе которого лежат принципы дружбы, добрососедства и взаимопонимания. Квинтурия не только исповедует эти принципы, но и реально помогает разным странам найти пути сближения. Мир разрознен, разорван, отношения между странами строятся на примитивной меркантильной основе. «Мир лишен цвета», - слова Джонни, которые следует понимать широко. Квинтурия как раз и должна явиться связующим, скрепляющим, недостающим звеном, привнести элемент творчества.

Квинтурия – независимая страна с независимыми взглядами и политикой, свободная от амбиций и влияний. Это модель будущего мира, будущего общества, где каждой личности найдется свое место, и будут даны возможности для творческого самовыражения. В Квинтурию постоянно приглашаются и живут там поэты, писатели, художники, композиторы, режиссеры, дизайнеры и т.п. (не только известные, но и о которых еще не знают). В Квинтурии они могут работать свободно, спокойно, не отвлекаясь, потому что в Квинтурии все есть, она ни в чем не нуждается.

Название страны с одной стороны происходит от имени ее создателя, а с другой означает пять континентов. Поскольку Квинтурия – государство космополитов, здесь нет ни национальной розни, ни религиозных трений, ни идеологических разногласий, ни расовых выступлений.

Если образно, то Квинтурия - тот самый Сырный остров, который однажды посетил Мюнхгаузен. Инициатива, ум, творчество, доброта – это и есть как бы сыр, который лежит под ногами у каждого, и сколько его ни бери, он все равно нарастает вновь... Квинтурия – модель и прообраз тех обществ, которые построят люди, высадившись на других планетах. Разумеется, это будут люди с фантазией, творческие, открытые и общительные,

как сам король Джонни Квинтус.

Во всех, без исключения, странах Квинтурия будет создавать свои представительства и посольства. Квинтурия – это каркас для созидания нового мира.

Паспорт Квинтурии приравнен к дипломатическому и позволяет его обладателям путешествовать по всему миру без виз и особых разрешений, проживать в любой стране столько, сколько потребуется.

Государственный язык Квинтурии удо-удо - еще одно изобретение Джонни. «Удо-удо» - многозначное сочетание и означает чаще всего удовольствие, перевести его трудно, но близко стоит к нему выражение «миру мир»... Языком же общения является английский, как удобный и в мире распространенный. Газеты, журналы, кинофильмы, программы телевещания также осуществляются на этом языке. Джонни Квинтус говорит по-английски свободно. Кроме того, он знает немецкий (на нем он пишет стихи), испанский и шведский, поскольку последний его родной.

Деньги Квинтурия для начала получает от трехсот миллионеров. От каждого по миллиону. От них не убудет. Список имен и адресов у Джонни имеется.

Квинтурия не скользит по поверхности, а идет вглубь, дает объективную информацию, невзирая на лица и дружеские привязанности, занимается реальными делами, не разбазаривая средства, и если начинает что-нибудь строить, до достраивает до конца... И в заключение изложения своей программы, Джонни, подняв в приветствии бокал золотистого пива, объявил, что последним своим королевским указом он назначает меня премьер-министром новой страны. Не забыв, при этом торжественно произнести сакраментальное «удо-удо!»...

- А почему бы нам не выбрать место для Квинтурии где-нибудь в Балтийском море?- спросил его я, чувствуя, что хотя и выступаю в новой для себя роли, но ориентируюсь уже довольно свободно в проекте. Возможно, и благодаря возлияниям...– Или арендовать один из Курильских островов? А то и все сразу! И разом решить проблему так называемых "северных территорий"?!

- Там холодно, - немного подумав, ответил Джонни, - Квинтурия - цветущая страна и архипелаг Тонга подходит для нее лучше всего. К тому же король мой друг. Год назад я в том районе лишился... довольно большой суммы денег... Да ладно, это отдельная история и я не жалею, хотя... пришлось продать поместье и ферму. Я тебе еще не показывал?

- Чего?

- Сейчас увидишь... куда они завалились?..

И он выложил передо мной фотографии и рекламный проспект: роскошный дом, золоченые интерьеры, над кроватями балдахины, мебель вся в завитушках, какие-то службы… Джонни на коне… Джонни с детьми. На проспекте, призывающим желающих отдохнуть в подобных условиях, стояло его имя, а также имя его жены.

- Иногда знаешь, что я делал, сидя с друзьями в этом доме, вот здесь у камина? – развеселился он. – Видишь вот этот громадный, стилизованный под старинный, глобус? Так они мне завязывали глаза, по моей просьбе, естественно, потому что идея моя, потом его раскручивали, он останавливался, и я тыкал пальцем в какую-нибудь точку. Это значило, что на другой день я уже должен был быть там. Я звоню в авиакомпанию: «Удо-удо»… девочка, билет мне туда-то»… И вскоре гуляю уже по Верхней Вольте или Фернандо По. Я хитрил немного: когда тыкал, то старался пониже брать – там, где теплые страны… Так я делал три раза, - помолчав, добавил он. – И, между прочим, знаешь ли, мне нравились африканские женщины. Они лучшие в мире. Они свободны в любви. Для них нет ничего запретного. Они способны любить безгранично… Квинтурия будет помогать бедным африканским странам, - еще раз добавил Джонни и сделал веский глоток.

Через него я познакомился со многими людьми: с японцами, американцами, мексиканцами, израильтянами, шведами, с турецким актером и даже с одним русским владельцем бара. Это были встречи то ли у него дома, в районе станции Юригаока (юри - лилия, ока – холм), то у меня, в районе Сугинами, то пикник на природе в пойме большой реки, то в одном из нескольких тысяч баров или кафе. Через него и благодаря ему у меня в Токио был свой круг общения, я приобрел много друзей.

(Мой фильм)

Жизнь в Токио настолько многообразна, интересна, динамична, полна всяких затей, что снимать можно практически все, что попадает в поле видеокамеры. Необычна сама конфигурация букв, обилие рекламы, а применительно к человеку из соцлагеря, такому, как я, необычны автомобили, мотоциклы, витрины магазинов, сами магазины, сумасшедшее обилие и разнообразие товаров, россыпи электронных часов, калькуляторов на стеллажах; торговые улицы...

Необычно и то, что японцы ездят по тротуарам на велосипедах (стоянки которых могут тянуться на сотни метров. Некоторые из них стоят настолько давно, что даже уже заржавели). На тротуарах оставляют и мотоциклы. Велосипедисты пересекают дорогу по пешеходным переходам. По небольшим и наклонным улицам (по тротуарам) несутся нередко с громадной скоростью. Вообще, надо сказать, что реакция участников движения удивляет, а точность, с которой они ездят, особенно по узким улочкам, потрясает. Непривычно движение – оно, как и в Англии, левостороннее, то есть руль в автомобиле с другой стороны. Преимущество отдано пешеходам.

Необычна манера имитировать блюда. Перед каждым кафе, баром, забегаловкой, рестораном – витрина, на которой все, что можно отведать в данном месте: то ли борщ, пирожки, строганина, пельмени, если ресторан русский, то ли спагетти или кальмар в собственных чернилах, если итальянский, то ли сосиски с капустой, если немецкий – и, конечно, всегда не одно-два, а с десяток и более блюд, и все эти крабы, и рис, и лапша, и креветки, и взбитые сливки, и пирожные совершенно не отличаются по виду от настоящих: рис – зернышко к зернышку, и кажется, что от него идет пар, видны как бы капельки жира, или масла, или соевого, или фисташкового, или устричного, или томатного соуса. А сделано все из клея, пластика, папье-маше, бумаги, смолы...

Когда я снимал свой фильм, я хотел показать , какой это современный фантастический город. Я использовал те звуки и шумы, которые слышал на улицах, - по-моему, они лучше всяких комментариев передают атмосферу...

Пригородная электричка, голос, объявляющий остановки, геометрические линии домов набегают или сливаются, когда слышится нарастающий или слабеющий вой и вместе с ним шорох колес, мягкое покачивание, и в унисон покачиваются люди, сидящие или стоящие, последние держатся за кольца, что висят

на коротких ремнях... Поезд с переходного моста, провода, арматура, скрежет на повороте, уханье и монотонный утробный сигнал, шум раскрываемой-закрываемой двери... Поезд, проносящийся в виду высотных кварталов. Шлагбаум открывается, и начинается уличное движение. Музыка, какая-то простая популярная песня на японском языке, торговый перекресток, проходящие, нередко в такт музыке люди... Часы в Синджюку, циферблат уползает вверх, в нише появляются куклы, которые приветствуют, кланяются. Часы играют механически угловатую мелодию, и в сочетании с ней камера забирает все выше по этажам, затем ступенчато с одной на другую крышу небоскреба, наезжая-отъезжая, выделяет слова реклам. Другая музыка у кафе, где движется лента блюд, так называемый «ленточный суси» - это похоже на движение поезда, только звуки более мягкие: колокольчик у двери, позвякивание посуды, шорох входящих-выходящих ног... Пятна света и звуки автомобилей в тоннеле, и в то же время над темноватым тоннелем стук колес электрички... Квартал, расцвеченный рекламой, огромный телевизионный экран, где ритмично всплывают и исчезают картины – наезд-отъезд. Между двумя магистралями тихая пешеходная улица с аллеей высоких деревьев. Несколько витрин, кафе, ресторанов – имитация, о которой я говорил. Торговец кричит в микрофон, и мощные динамики усиливают его голос, он расхваливает-предлагает товар. И крупным планом этот товар. Навстречу идут люди густой толпой. Если приглядеться, то видно, что одеты они все исключительно хорошо, а на первый взгляд , в общем, обычно, как и везде. За углом, уже на магистрали, другой, но подобный по интонациям голос вперемежку с музыкой выкрикивает: «Ирашшай масэ! Иррашшай масэ!.. Камера! Видео! Тайп-рекордес!.. Телевизоры! Видеопленки! Кассеты! И так далее и так далее! Покупай, налетай, подешевело! – Ирашай массэ!» И опять более тихие переулки с автоматами прохладительных напитков, вращается гигантская чашка перед кафе, телевизоры при входе в магазин – там извивается певица Мадонна... Зеркальные эскалаторы универмага Кейо, опять вокзал в Синджюку, чучело большой панды. Панда сидит в избушке и ставит большую круглую печать на листок, к удовольствию завороженных детей, шевелит телом и головой, открывает рот и девичьим голосом говорит-говорит... Снова электричка – это, чтобы вырваться из разгула цивилизации и обилия информации, чтобы сменить обстановку – за окном мелькают крыши низких домов... И вот тихий квартал и внезапный дождь. Струи бьют с тропической силой: стены, крыши, листья пальмы, булькающие лужи, притихшие мотоциклы

и велосипеды... Проезжает на велосипеде под зонтиком женщина. Идет навстречу школьник, промокший насквозь, - воротничок-стоечка, форменный китель... Намокают яркие афиши – на них депутаты в парламент, все они улыбаются... Это наш тихий квартал. Дождь быстро проходит, желтые пятна света, застыли крупные капли, слышно, как поют птицы. Мандарин рядом с нашим домом. Сквозь его ветки и листья многоцветное солнце – сине-фиолетовые, зелено-изумрудные россыпи кристаллов и призм, радужное сияние, круги, похожие на гало. Когда смотришь долго на солнце, то небо темнеет, ты видишь лучи – прямые, они протягиваются, мельчатся на куски, обретая нередко симметрию и порядок... И вот снова солнце, но уже над эстакадой, по которой несется поезд в Гиндзе, шумная улица, движение автомобилей, движение людей через переход. Камера описывает круг, забирая весь перекресток, целый хоровод людей... Гиндза слишком фешенебельная, слишком европейская, слишком столичная. Мне по душе более узкие японские улочки других кварталов, набитые до отказа товарами, лавчонки и магазинчики. Там, в Гиндзе, тоже есть гигантские часы, они золотистые, и в них как бы литые фигурки и механизмы, вращаются шары... но от них впечатление искусственности. Мне нравятся все же те, что в Синджюку, там куклы: поросенок, медвежонок, лисенок, зайчонок – очень милые, душевные... Синджюку – второй центр Токио. Первый – Касумигасеки, где здание парламента, министерство иностранных дел, почти все министерства, различные представительства. Синджюку – это японский Манхэттен по внешнему виду. Здесь небоскребы, все более 50 этажей: компаний «Номура», «КДД», «Ясуда», «Сумитомо-банк», Мицуи-банк, Кейо-плаза отель... Потом в моем фильме летит дирижабль: равномерное, неотвратимое сильное гудение. Вот он, с рекламой пива «Асахи». Приближая ракурс, мы можем увидеть и прочитать рекламу, и опять отдаляем его, и он уходит в левый нижний угол кадра, уходит постепенно – «соро-соро» - неспеша...

Вечерний квартал Токио, улица рядом с моим домом. Лихие мотоциклисты, автобус с иероглифами над ветровым стеклом остановился. Мальчик, подняв руку, мол, еду, через улицу по переходу, крутит педали. Люди на велосипедах по тротуару. Люди, выходящие из метро, оно называется здесь «сабвей». Затем моя улица, перекресток и мелькающий посреди перекрестка прямо на асфальте красный огонек (он мне очень нравился – укрытый сверху маленький фонарик). Проехал велосипедист, прохожая с сумками (пожилая хозяйка), идет девочка (вид сзади) в светлых джинсах, идет задумчивой, неспешной походкой. Проехал мотоциклист (протарахтел). Ритмично красный огонек

на асфальте – может быть, он напомнит сердце. Мягкий свет от автоматов: за стеклом кока-кола, фанта, соки и т.п.

Прошла еще женщина деловой походкой, темная улица, пульсирует красный фонарик на асфальте на перекрестке; уходящая девочка в светлых джинсах, задумчивая походка...

Примерно такой мой фильм. Камеру мне одолжили на время, потому что японцы очень добрые люди.

(Лекция)

Профессор Токийского университета иностранных языков Масаджи Ватанабе попросил меня выступить перед студентами. Мне кажется, он подумал так: в любом случае – хорошая будет лекция или не очень, но польза очевидная, потому что я носитель языка, к тому же товарищ пишущий и под настроение разговорчивый (что видно было хотя бы из моей предыдущей встречи с профессорами Такуя Хаара, Минору Нитта, а также самим Ватанабе, когда я говорил без умолку около пяти часов, выпил все, какое было в холодильнике, пиво, а потом с Ватанабе еще посетил бар «Джон Монджиро», где он член – словом, он уже знал, кого приглашает), к тому же я филолог по образованию и приехал по частному приглашению, а значит, свободный человек, не замухренный инструкциями, отбором, проверками, не инкубаторский.

Естественно, что я начал с «гласности» и «перестройки», с терминов, которые у всех на слуху, о том, что на всем пространстве тоталитарной империи вдруг отчетливо поняли: «все у нас плохо, все у нас не так, и того нет, и сего не хватает, и там ошибки, и там напортачили, загрязнили, и уничтожили, и безнадежно отстали», и так далее... Но о «нехватках» я говорил вскользь, потому что это долго и скучно, а разглагольствовал больше о том, чего предостаточно: о молодой, молодежной и свежей культуре. О том, что есть такое понятие, как «официальная культура», которая остается и которая сдаваться явно не собирается, и которую не надо путать с искренней и настоящей. О том, где искать последнюю и на что, прежде всего, следует обращать внимание.

Я говорил о самиздате, и о таком, например, явлении, как русский рок, о популярных рок-музыкантах, о художниках-авангардистах. О демонстрациях в поддержку Бориса Ельцина, который одним из своих лозунгов выдвинул борьбу с коррупцией и привилегиями. Что я тогда искренне удивился активности народа – я-то думал, что в людях уничтожена всякая надежда на всякие изменения, но оказалось, что это не совсем так. В Москве расклеивали листовки «Борис, борись!», митинговали, спорили. Я сам участвовал в одной демонстрации, хотя это, в общем, было опасно, а для меня могло бы быть и чревато. Я с огромным трудом получил разрешение на отъезд и в те самые дни оформлял, и должен был вот-вот получить пусть и краткую (всего на три месяца), свою вожделенную, первую, заграничную, и не какую-нибудь, а японскую визу... Мы с друзьями держали плакат с

надписью: «Слуги народа в общую очередь!» (текст художника Ю.Непахарева).

Говорил об обществе «Память», о прямых столкновениях с ними, о том, что подобные типы, члены «патриотических» обществ», - порождение всего темного и гадкого, что есть в человеке и, безусловно, в немалой степени порождение того же «развитого» соцстроя, когда специально ищут врагов, чтобы сваливать на них свои недостатки... И в связи с развитием подобных излишне почвенных взглядов нельзя было не обратить внимание и на то, как по всей стране очень быстро распространилось множество странных книжонок, в одной из которых, к примеру, обсуждался совершенно серьезно вопрос, что если сбросить на ненавистный антисемитам Израиль атомные, водородные и нейтронные бомбы, то вступятся ли другие страны, или же нет? И автор приходит к выводу, что не вступятся и можно, значит, действовать смело...Студенты даже как-то недоверчиво зароптали. Пугал я, стало быть, их коричневой чумой, черной опасностью, советским, или даже можно сказать, российским, а если точнее, то русским фашизмом. Прибавим сюда мощную армию, практически не затронутый никакими «перестройками» аппарат КГБ, где работают еще те, кто бил диссидентов ногами, прибавим общий уровень жизни, и поймем всю опасность подобных тенденций.

Потом мы пили на кафедре «пивцо» (как говорил Ватанабе), среди книг отборнейших, о такой библиотеке можно только мечтать – на полках стояли и В.Хлебников, и А.Ахматова, и журнал «Аполлон», и весь «Континент», и весь А.Солженицын...

- Бери, что хочешь, читай, - сказал Ватанабе, - потому что здесь у меня много всего, а времени не хватает, и это все зря...

Он хотел сказать, что это как бы ни к чему, и пропадает без дела – ошибся слегка, но вообще-то он прекрасно говорит по-русски, со смешливыми интонациями и, как грузин, часто переспрашивает: «Да?»

- А твоя жена печатает стихи в русском журнале? Молодец, да?.. Я думаю, она необычная женщина, да? Я еще, когда Макико училась у нас, замечал, что она особенная. Что-то в ней такое... Сейчас мы закусим, да?

Множество японских закусок из упаковок: сушеные крабы, кальмары полосками, лентами, сыр, орешки, рыбки – специально под пиво:

- Мы любим все это, да?

Масаджи Ватанабе не раз бывал в России. Он следит за русской литературой, занимается переводами. Он изучает развитие философской мысли в России. Его жена написала книгу

о периоде оттепели, о людях, о поэтах и писателях того времени, с которыми она была лично знакома. Приходили аспиранты и мы говорили с ними. Это была уже «встреча с аспирантами кафедры русского языка». И при всем при том «пивцо» и немного виски. Поинтересовались, какие у меня впечатления о Токио, о Японии... Я вспомнил, как гулял по каким-то наклонным улицам, и у меня было чувство, что я в Крыму, в зажатой горами Ялте – здесь, правда, горы не нависают над городом, их можно увидеть вдалеке с высоты десятого этажа, но улицы узкие, дома впритык... Там, на перекрестке, под пальмой, у выпуклого отражателя, делающего картину еще более необычной и занимательной, я вспомнил роман В.Аксенова «Остров Крым». Я тогда подумал, что будь Крым автономен и проживай в нем татары (если бы их не выслали всех во время войны), то Ялта была бы еще больше похожа на Токио... При условии, конечно, полной автономии, как в романе... Здесь я увидел, что японцы действительно на гребне мирового прогресса. Рассказал о Квинтурии. (Ребятам, между прочим, идея такого государства понравилась)...

Оказалось, что у Ватанабе есть мечта – пересечь Россию, на мотоцикле.

- Это было бы здорово, да?

Я представил обтекаемую «Ямаху» («Судзуки», «Хонду»), шлем-скафандр, и Ватанабе, крепкий, широкий, шпарит через Сибирь... У него есть опыт. Нередко он делает на мотоцикле сотни километров, потому что живет в Кобе, значительно к югу от Токио, на том же острове Хонсю. Он любит скорость...

И уж коли выплыла в разговоре Сибирь, то я рассказал им о бичах. Опять же, не очень понятно к чему, или захотелось проиллюстрировать «русскую мысль», или был просто под градусом, но рассказал... Я сам работал в геологической партии, можно сказать, даже бичем, потому что для геологов, «белой кости», все рабочие – это бичи, включая и тех, кто действительно ими являются, хотя сами бичи таковыми себя не считают. Я видел, как алкаши, забулдыги, в тайге превращаются в умелых людей, способных жить и трудиться в экстремальных условиях. И каждый имеет внутренний мир, и это подчас очень приличные люди. Все они ходят заработать, чтобы вырваться из тяжелых жизненных обстоятельств, но для начала их обманывает начальник партии: «Ел не ел, Блевалов – распишись!.. И распишешься», - как говорил один так называемый бич. – Вычеты и приписки, «мертвые души» и воровство начальничков – там обычное явление. А затем, глубокой осенью, возвращение в город, скажем, в Иркутск, где тебя никто не ждет, где ты никому не нужен – ни профсоюзу той же геологосъемочной экспедиции, хотя

и с зарплаты сезонных рабочих они берут профсоюзные взносы, ни городским, ни, тем более, областным властям проблемы тысяч и тысяч подобных людей как бы и не касаются...И вот возвращается в подобную обстановку человек с клеймом «бич», и что ему остается? Водка, самогонка, одеколон, деньги пропил, или обокрали, и опять старая история: жди весны, ночуя по чердакам, подвалам или там, где трубы теплоцентрали. А в Иркутске хо-лод-но!...

Ватанабе с сотоварищами слегка приуныли от жалости, и тогда я решил им поведать что-нибудь повеселее. Были у нас в партии, например, относительно молодые, но уже, как говорится, тертые, Гена и Вася-Коля, то есть в один сезон парень назвался Васей, а на другой сделался Колей, но это не важно, у него даже медицинская справка была поддельная. В межсезонье они вдвоем проживали в квартире Гены, в Иркутске. Устроились грузчиками, один на мясокомбинат, другой на ликеро-водочный завод. Понятное дело, что всегда у них в доме были пиво, водка, вино, закусон. Потом одного выперли за воровство, а там и второго. И что они сделали? – Они просто поменялись местами и снова жизнь, как в раю: пиво, водка, вино, закусон...

- Но интересно, да? – спрашивал Ватанабе у Макико, у ее подружек Юко и Чиеки, с которыми она училась на одном курсе, у аспиранта из Южной Кореи, и еще у одного скромного парня в клетчатом пиджаке, насколько помню, его звали Джотаро Хонда, и у мисс Юрико Накамы, которая вносила в общество сугубо женскую нарочитую линию – взглядами, жестами, сигаретой наотлет.

Мы много курили. Девушки сбегали то ли в магазин, то ли к автомату и вернулись с пивом...

- Как ты говоришь... бичи? Надо запомнить. А как это понять, этимологию слова, откуда оно?.. А-а, от английского «берег», так назывались моряки не у дел? И еще в нем слышится что-то: кнут, судьба?

Рассказывал я и о позорных тюрьмах для алкоголиков, про ЛТП, где не столько лечат, сколько калечат. Однажды я с друзьями читал там свои короткие вещи.

- Прямо в тюрьме, да?! – воскликнул Ватанабе.

- Прямо в тюрьме. Засовы, ворота, охрана, майор – замполит, который тоже пишет в газету «За честный труд», воображает себя литератором. Он нас, собственно, и пригласил. Заключенные в застиранных робах с номерами, многие сидят ни за что.

Лекция для студентов началась в два часа, а вышли мы с кафедры в кромешную тьму. Шли по узеньким улочкам, и затем мимо храма, и через тихое кладбище, где лежит прекраснейший

из стилистов, Акутагава Рюноске (или витает, или витал его дух)... Глаза привыкли уже к темноте, я различал густые кроны деревьев, отдельные каменные надгробия (или в виде пагоды или попроще, у Акутагавы попроще), со стоящими за ними высокими остроконечными слегка фигурными досками с буддийскими молитвами на одной стороне, а на другой – с именем для жизни иной, синеватое от зарева городских огней небо.

(Знакомство)

Через Джонни я познакомился с русским, живущим в Токио.

Георгий Борисович содержит бар в районе Эбису. Я ел у него винегрет, цыпленка, икру, красную рыбу. Он научил меня наливать пиво в кружку из аппарата. Оказывается, чтобы было меньше пены, ее нужно под струей держать не прямо, а слегка наклонив.

- А какое пиво в России? – спросил он.

- Отвратительное, - ответил я. – А в пивбарах, к тому же, разбавляют то водой, то газом. Даже стиральным порошком. И кружку держат специально прямо, и только прямо, чтобы было побольше пены.

- Но это же просто обман, - удивился Георгий Борисович.

- Конечно, - ответил я, - и у нас к этому привыкли.

Он перевел двум-трем завсегдатаям, японцам, и те закачали головами: «Ах, соо дэс ка?» Выражая удивление такой дикостью.

Я не говорил, конечно, где конкретно разбавляют, и кто в этом смысле является чемпионом. Нельзя же все секреты выдавать – этому нас и в школе учили, и в армии, и продолжают учить сочинители-патриоты. Тем более, что рядом со мной сидел владелец переводческой фирмы, родом из Штатов, ветеран корейской войны с подозрительно странным именем (я имею в виду с подозрительным по своей простоте) – его звали Джим Смит. И рядом с ним его приятельница-японка, спортивного роста и телосложения, и еще одна девчонка, сотрудница его фирмы, которая все гордилась своей страной, и у нее, что ни слово, то «наша Америка», и «у нас в Америке», «в нашей Америке»... То ли она была из Сан-Франциско, то ли из Лос-Анжелеса. По внешнему виду похожа на филиппинку, да она и была, кажется, филиппинкой... «Значит ей в Штатах комфортно», - помню, подумалось мне.

- Но вообще-то... - сказал Георгий Борисович. – У него лысый череп (он его бреет), прямой нос, тонкие губы, крепкая фигура. Он говорит. А сам работает точно и споро, и в его руках кружке пива хорошо и комфортно, как кому-то в Америке, и он ее подает любезно, и, принимая, чувствуешь двойной аппетит, и он подливает польскую водку, и виски тому, кто хочет...

- Но вообще-то, - говорит он, - бабушка мне рассказывала о России много хорошего.

Его бабушка была вынуждена бежать со своим мужем от наступавшей большевистской орды. Георгий Борисович – внук колчаковского генерала. Более того, его дедушка служил в штабе

Колчака. Семья сначала оказалась в Харбине, затем в Шанхае, затем в Японии. Он рассказал, что многие их знакомые в пятидесятые годы вернулись в Россию, было такое движение, но он знает только одного, кому удалось нормально устроиться. Тот стал жить в Москве, нашел работу на радио.

Георгий Борисович никогда не видел Россию. Он родился в Японии. Женился на японке. Они работают в баре вдвоем. Он жил одно время в Америке, а потом решил, что в Японии все же лучше, и вернулся. «Мне кажется, что Япония все же лучше... здесь мои друзья детства, многие из которых стали влиятельными людьми, здесь я получил образование»... Пока он это говорил, американка назвала какого-то своего университетского преподавателя. То ли Петровского, то ли Павловского. «Да я его знаю, - сказал Георгий Борисович, сказал он на чистом английском, - ты спроси у него, скажи: «Джорж привет передает». Он, конечно же. Вспомнит... Был еще тот орел. Чего мы не творили только в молодые годы!.. Я знаю все западное побережье, и меня там многие знают»...

Когда же он переходил на японский, то моя жена восхищалась его чистейшим японским. В том маленьком баре говорили тогда на трех языках, иногда одновременно и путано, и какие-то темы терялись и возникали снова. И вот, когда он сказал, что в России много хорошего, я ответил:

- Конечно, это как посмотреть. Пейзажи, Питер, кое-что в Москве. Приезжайте, я вам покажу, разумеется, все самое лучшее. Покажу Суздаль, Загорск, съездим в Ясную Поляну. Конечно, в России есть места... Познакомлю вас с моими друзьями: поэтами, писателями, художниками, актерами и музыкантами, рабочими и безработными, кооператорами, учеными...

Через неделю примерно он пригласил меня к себе домой, туда же, в район станции Эбису. Дом, в котором он живет, недалеко от его заведения (которое можно назвать и гриль-баром, и якиторией, но все-таки с русским уклоном).

У него хорошая, довольно просторная квартира. У его жены большая коллекция колокольчиков. Судя по коллекции и фотографиям, они любят путешествовать и объездили чуть не весь мир. Они познакомились, когда им было лет двадцать, и с тех пор всегда вместе.

Кстати, она внучка известнейшего генерала Ноги, не без успеха в свое время атаковавшего Порт-Артур. На видном месте в квартире висит групповое фото японских и русских военных – оно сделано сразу после подписания какого-то договора – на переднем плане дед Георгия Борисовича и генерал Ноги, которым было тогда, разумеется, невдомек, да они и представить себе не

могли, что внучка и внук их станут супружеской парой, дружной четой. Показал он мне и фотографию 37-го года:

- Вот этот пупсик, с соской, сидит у мамочки на руках, таращит глазенки – это мой родной брат. Он сейчас в Штатах, генерал зеленых беретов. Все основные звания и повышения получил во Вьетнаме, в войне с коммунистами... Помнишь, фильм «Апокалипсис сегодня » Френсиса Форда Копполы? – Брат говорит, что, в общем, многое там показано очень похоже...

- Если бы вы в то время были в России, я имею в виду 37-й, - немного подумав, заметил я, - вас бы расстреляли, или сгноили бы, Георгий Борисович. Непременно. И вас, и вашего брата, и маму, и бабушку, и вашего дедушку.

Он рассказал, что многие годы хотел увидеть Россию. Не раз даже всерьез собирался, но мама каждый раз его отговаривала: «Не едь, кегебисты возьмут тебя заложником и потребуют что-нибудь от правительства США, какого-нибудь своего шпиона, ведь у тебя брат слишком важная персона»...

- Но я думаю, - отражает он своей голой головой яркий свет люстры, - у вас там многое изменилось, и если я поеду, то они не посмеют, а?..

(Акция «Серп и молот»)

Позвонил мой турецкий друг, актер по профессии, и спросил, не могу ли я сниматься в кино – на студии «Никкацу», оказывается, нужен человек со знанием русского языка. Конечно, я согласился. Тогда он дал телефон агента. Он говорил по-английски, а в нем, как известно, нет категории рода, и я сначала подумал, что агент – это мужчина, но оказалось, что девушка. Она поинтересовалась, какой у меня рост. «О, отлично, - сказала она, - это нам подходит, а то я, честно говоря, волновалась, думала, что вы слишком высокий»... Мы тут же договорились встретиться с ней в ее доме, в районе Роппонги. Я уже знал этот район – как-то мы обедали там с женой в индийском ресторане «Моти». В Роппонги много консульств, посольств, есть магазины, специально рассчитанные на иностранцев, в которых можно купить «родные» продукты... Много баров и дискотек, магазинов одежды, где наряду с обычными представлены и слишком смелые образцы, которые находят спрос разве что у отдельных представителей молодежи...

Я ехал на встречу и думал о том, что хотя я и не снимался ни разу в настоящем кино, но опыт у меня какой-то все же имеется. Раза три я читал свои рассказы на радио, много раз выступал перед публикой. Кроме того, дублировал кинофильм – тридцать сеансов проговорил за всех актеров все их слова. Это, помнится, был болгарский приключенческий фильм «Афера»...

У выхода из метро ко мне подошел некий парень, проводил к автомобилю, и по узкой улочке мы съехали к искомому дому (одновременно офису) – опять мне напомнила эта улица Ялту... Я оставил, как принято здесь, ботинки в прихожей и прошел по мягким коврам в холл с ампирной мебелью и старинными вазами по углам, двумя фортепиано «Ямаха», около которых пюпитры, микрофоны на высоких стойках, мощный двухкассетник, еще какая-то записывающая аппаратура. Я уселся на дорогой диван, отразился в зеркальной стене напротив... Отражался минуты три. Пришла девушка-агент, принесла чай, дала заполнить бумажки, контракт, поговорили. Она сказала, что хотела бы поучиться хотя бы годик в Московской консерватории, и она даже будто бы обращалась в советское посольство, что находится от ее дома рукой подать, в том же районе Роппонги, но возникли проблемы с визой. То ли там нужно было особое приглашение от принимающей стороны, то ли что-то еще. Она обмерила меня, записала данные, я выпил чайку, договорились, когда и куда я приеду на репетицию. Прощаясь, она вышла прямо на середину

улочки и поклонилась мне несколько раз.

Через три дня в условленный час на станции Чоофу в подземном переходе ко мне направился высокий молодой индус. «Вы мистер такой-то, да? Очень приятно, а я Дэвид», - представился он. Что он индус, сомнений быть не могло, потому что он был в чалме.

На репетиции я познакомился с режиссером Шусуке Канеко. Оказалось, что он же и автор сценария.

Русский космонавт, по сценарию бесфамильный, а в жизни, может быть, полковник Соколов, или подполковник Волобуев, или майор Колотушкин – не важно, жил себе на космической станции, летал вокруг шарика, фотографировал чего надо и не надо, питался из тюбиков. Для солидности даже, может быть, в газетах сообщалось, что он «выращивает в невесомости монокристалл окиси цинка», но вот что-то случилось. И чтобы разобраться, в чем дело, он вылезает из люка, выплывает в своем скафандре в открытый космос и видит неполадку: может, там обшивку раздуло, или задело чем, или отвалилось чего...

- С этого и начинается твоя роль. И ты восклицаешь: «О, мой Бог!», выражая тем самым удивление. Как это будет звучать по-русски?..

Я спросил:

- Ситуация комическая? Фильм комедийный?

- Да-да, - подтвердил Канеко.

- Ну, тогда, - ответил я, - лучше будет сказать «Бог ты мой! Ну и дела-а...» Или просто с удивлением «Бог ты мой!»

- Хорошо, - согласился Канеко по-японски, а Дэвид перевел мне на английский. – Следующий эпизод: ты начинаешь устранять неисправность, стучишь методично молотом по станции и в один из моментов роняешь его из рук. Ты пытаешься поймать его, делаешь движение рукой, подаешься телом, но не тут-то было... Молот медленно, но верно уходит все дальше, отдаляется в сторону нашей голубой планеты. «Он же специальный!» - сдавленно кричишь ты... с чувством... А потом собственно само действие фильма: молот попадает в поле зрения следящей системы, по сценарию американской, срабатывает компьютер, разворачиваются события, а в конце, когда все, несмотря ни что завершается, опять на экране появляется наш упорный космонавт, то есть ты. Но на этот раз у тебя в руках уже не молот, а серп...

- И, конечно, он роняет серп, - рассмеялся я, - второй советский символ!

- «Опять я напутал!» - кричит космонавт, когда он уронил серп, и видит, что тот, как и молот, улетает к земле. «Опять я

напутал! Что со мной?!» Как ты думаешь, - спросил Канеко, - лучше оставить эти слова по тексту, как есть, или, может быть, что-нибудь другое придумать, что-нибудь ударное? А то я и сам чувствую, что получается не текст, а какой-то детский лепет, какая-то размазня...

- Может быть, что-нибудь про Горбачева? – намекнул Дэвид. – Потому что многие люди знают его имя, тогда они почти и без перевода поймут, будет интересно. Понимаешь, этот космонавт что-то натворил и беспокоится...

- «Что я скажу Горбачеву?!» - осенило меня. – Вот мировая фраза, ребята! Вот слова, которые он должен орать!

Я перевел на английский, Дэвид – на японский.

- Отлично! – улыбнулся Канеко. – Оставим эти слова.

На другой день ровно в час дня мы приступили к съемкам. Из специального ящика достали мое облачение, почти полную имитацию космического: с трубками, кнопками, ранцем за спиной, перчатками и специальным шлемом. Одеваться, то есть влезать в оболочку, мне помогали Дэвид и еще двое сильных ребят и хлопотливая девушка, которая, видимо, была ответственная за костюм, и она же прикрепляла ко мне липкие эмблемы: «СССР», герб, флажки. Мы уже хотели попробовать установить шлем, но тут появился пожилой поддатый мужик, принес им изготовленный пояс. Пришлось снова разоблачаться и, пропустив одни лямки между ног, другими охватить бока. Сквозь костюм вывели кольцо, за которое меня собирались цеплять... Затем мы вышли в павильон. Я увидел космическую станцию, нависшую над съемочной группой. Операторы, осветители, там же был и режиссер Канеко, и какой-то стройный, и фатоватый и авантажный джентльмен в прекрасном костюме песочного цвета – он сидел на стуле, нога на ногу, острый ботинок – может, продюсер?..

Меня представили съемочной группе, я улыбнулся, поклонился честной компании и полез на станцию. Сверху свисала проволока. «Не слишком ли тонкая?» - показал я. «Ничего, - отмахнулся поддатый мужик. – Выдержит». Он, видимо, заведовал всякими подобными поделками, штуками. Как-то в районе Коктебеля, в Крыму, я видел точно такого же техника-пиротехника – там Ялтинская киностудия снимала фильм. В таких же зачуханных штанах и в такой же ковбойской шляпе. И в одном американском фильме про каскадеров тоже... Они все, кажется, на одно лицо: независимые, сосредоточенные, со своей, что называется, рабочей гордостью, уверенные в себе, - я бы сказал, даже слишком... «Ну ладно, цепляйте, что ли»...

Вскоре я понял, что быть актером нелегко. Прожекторы, жара.

На меня надевают шлем, в котором еще теплее. В нем, как и положено, встроенный микрофон, и другие приспособления, так что все, что я ору, сразу передается и записывается на пленку. Меня поднимают над станцией. Как в цирке: рабочие тянут веревки, лязгают блоки, напрягаются тросы. Несколько раз я удивляюсь обнаруженной неполадке: «Бог ты мой»... Начинаю работать молотом. Меня просят задрать повыше левую ногу, чтобы усилить впечатление невесомости, просят не держаться за станцию рукой, не хвататься за нее, а я делаю это, потому что меня то разворачивает, то слишком выносит вперед... Я опять машу здоровенным молотом, я плаваю в воздухе, держу равновесие телом, мягко дотрагиваюсь иногда левой до станции (как бы в невесомости), а при помощи правой продолжаю орудовать своим кувалдометром. Слышу команды режиссера: «Камера!» И поехала по рельсам камера. Я работаю, не обращаю внимания. Но внутренне я готовлюсь... Громкий крик: «Акшен!», то есть акция, съемка... «Раз... два... три...» Четвертый удар, и я неосторожно упускаю молот. Пытаюсь его схватить (не очень резко, все-таки «невесомость»), и когда вижу, что это невозможно – молот улетает от меня все дальше и дальше, в сторону родимой земли... - в сердцах восклицаю: «Он же специа-альный!» Я сделал так раза три-четыре и думал, что уже все, о'кей, переходим к следующему эпизоду, но вот смотрю: мне несут молот другой – по виду такой же, однако по цвету он серебристый. Несет торжественно женщина, очень ответственная за него, преисполненная заботы о нем. Оказывается, что все предыдущее было просто напросто дублями...

Я висел, опускался, летал, кричал, размахивал руками, пот струился градом... Когда с меня снимали увесистый шлем, то все, кто находился рядом, обдували меня: кто картонкой, кто текстом сценария, кто фанерой, кто помогал мне вытирать лицо полотенцем... Кстати, я не просил их об этом, и это не входило в их обязанности, но тем не менее... Иногда я, стоя так, старательно обдуваемый со всех сторон, удивлялся не по сценарию, а сам себе: я – в космическом одеянии на фанерной станции, а вокруг японцы, в основном молодые интеллигентные лица, все воодушевленные работой, а там, напротив, внизу, еще один очень важный, в дорогом костюме, в дорогом галстуке, красавец тонкий, нога на ногу; у режиссера и его помощников в руках видеомагнитофоны размером с толстые книжицы, на приборах антенны с флажками. Режиссер иногда подходит ко мне (точнее: взбирается), прокручивает назад пленку на портативном видео, и я вижу настоящее кино: космическую станцию в черном космосе, космонавта, который на ней трудится, роняет молот... Режиссер

Канеко указывает на ошибки – где-то сделать естественнее и т.п. ...Удивляюсь: говорю по-английски, индус в чалме переводит... Я снова взлетаю, я снова кричу, пот ручьями. Теперь у меня уже в руках серп. Меня просят, чтобы я держал его так, чтобы он отблескивал в кадре... И вот, когда в очередной раз я кричал «Что я скажу Горбачеву?!», я оборвался...

Я успел крикнуть только «Что я скажу!..» и рухнул на станцию со страшным треском и грохотом, так что опилки и щепки полетели в разные стороны. Хорошо еще, что упал на искусственное сооружение, а не на бетонный пол в павильоне... Все перепугались. Даже «продюсера» будто куда-то сдуло. Там, где он за секунду до катастрофы был, валялся только опрокинутый стул...

«Ничего-ничего, не волнуйтесь, все нормально. Советские космонавты не сдаются... Ну грохнулся, ну синяк набил»... Проволока, кстати, порвалась не сама по себе, а в месте соединения ее с кольцом, так что поддатый отчасти был прав, когда говорил, что вес она выдержит.

Устроили небольшой перерыв. Во-первых, надо было починить станцию. Ребята сбегали, купили и принесли мне горячий кофе (в специальной баночке), бутерброды, я выкурил сигарету... Решили заменить пояс, и когда его меняли, то многие увидели, что бока у меня растерты и кровоточат. Страшно удивились.

Затем мой космонавт снова летал, орудовал серпом, подчищая, может быть, ржавчину, или, может быть, заусеницы, или он подрезал наросты неизвестных еще науке космических ракушек, и он ронял серп, и он орал в ужасе от предстоящей встречи с Верховным Правителем, с самим Горбачевым, который, весьма возможно, за все эти «подвиги», всех привилегий и званий лишит: «Что я скажу Горбачеву?! Теперь мне белого света не видать!» Последнюю строчку я добавил во время съемок, когда образовалась вдруг небольшая пауза, и надо было чем-то заполнить ее...

Закончили весь этот хепенинг только вечером, часов в семь. Дэвид рассчитался со мной в такси, я расписался... За один день я заработал одну восьмую или десятую часть заработка среднего японского служащего, скажем так... «Стало быть, я заработал столько за один день. - Ну, прямо кинозвезда»...

Я возвращался домой. Усталый, с избитыми, окровавленными боками, с гудящими мышцами и влажными зачесанными волосами, с деньгами в кармане, которые я решил отдать жене.

Я вышел из сабвея (метро) в своем районе Сугинами на станции Синкоенджи. Теплый вечер, каждый дом, каждый угол

расцвечен рекламой; зажигаются, гаснут, зажигаются иероглифы или знаки хираганы, или катаканы, или буквы латинские; вращаются стеклянные цилиндры с бегущей по ним сине-красной спиралью – рекламы парикмахерских; яркая рябь – обложки цветных журналов, часть из них выставлена прямо на улице, россыпи, штабеля комиксов; один за одним магазины косметики, фото, магазин-пекарня; видео, где за витринными стеклами винегрет боевиков, шедевров и поделок мирового киноискусства, бары с бумажными фонарями у входа, полтротуара занимают бесконечные стоянки велосипедов; мелькают, пульсируют лампочки; несутся полированные авто, отражая картину, преломляют все эти краски, огни, превращают их в полосы, уносят с собой.

Еще в метро захотелось пить, и еще в метро я решил, что заверну к своему пивному автомату. С глухим стуком выпала банка. Я шел, на ходу прикладываясь к прохладному пиву, и думал, что, в сущности, это мой первый приличный заработок... И почему я не мог зарабатывать нормально в родной стране? Или, может быть, я не работал, или не хотел работать?.. Да, конечно, хотел, и всегда работу искал, и, кажется, никогда не гнушался работой, пусть даже самой простой...

И вот я шел с деньгами в кармане, со своей первой приличной получкой, двадцать пять тысяч иен, я шел домой, где меня ждали, где я был нужен, туда, где меня любили, я шел по теперь родному мне городу Токио... Я был доволен, я гордился собой.

1990г.